

**«ТАМ ВАКХ ТОРЖЕСТВЕННО СМЕЕТСЯ...»:
О КОММУНИКАТИВНО-ИГРОВОЙ ПРИРОДЕ СТУДЕНЧЕСКИХ
ВАКХИЧЕСКИХ ПЕСЕН XIX ВЕКА**

Песни русской поэзии первой половины XIX в. с вакхическими мотивами автор статьи интерпретирует как особый жанр. В статье показывается обусловленность тематических и стиливых констант жанра его коммуникативно-игровой природой. Выводы основываются на анализе поэзии Н. Языкова, А. Пушкина, А. Дельвига, В. Кюхельбекера, многочисленных неизвестных авторов, а также на осмыслении эпистолярной, мемуарной, документальной литературы.

В 1845 г. О. Сенковский поместил в одном из номеров «Библиотеки для чтения» рецензию на книгу «Новые стихотворения Н. Языкова». Рецензия эта примечательна не только разбором итоговой языковской книги, но и попыткой дать общую оценку вакхической теме в русской поэзии. Язвительно аттестовав Языкова как «начальника стихотворной школы, вечно воспевающей бокал и разгулье», Сенковский предлагает читателям такой хитроумный силлогизм: «В вине издревле пребывала правда: следовательно, там никогда не могло быть поэзии. Правда и поэзия не уживаются вместе». Далее следует обличительная тирада: «Какую поэтическую картину, какой высокий помысл, какую новую истину можно создать из стакана крепкого напитку? – положим даже, из десяти стаканов? Нет под солнцем ничего более прозаического, как бутылка и ее содержание...». Впрочем, некоторые иронические послабления Сенковский все же делает: «Я не хочу, чтобы стихотворствующие народы принимали меня за угрюмого ригориста, требующего от них непременно пить одну воду. Всем и каждому, сколько от меня это зависит, я, в качестве критика, позволяю нарезать один раз в месяц. Несказанная снисходительность моя в этом случае простирается еще далее: я позволяю даже один раз в год сочинить застольную песню в честь вина и разгульной жизни». Однако порыв снисходительности вновь сменяется патетической филиппикой: «Но избрать себе бутылку музою, разгульную жизнь постоянным идолом <...> – вот против этого я торжественно протестую от имени всей изящной словесности» [1]. Примечательно, что иронические перебивки, которыми так изобилует рецензия Сенковского, в своей основе довольно близки традициям «застольной риторики», тем формам художественно-игрового поведения, которые разрабатывались и культивировались в том числе и вакхической поэзией. Вот

почему даже «торжественно» заявленный от имени всей словесности «протест» воспринимается едва ли не как вакхическая эскапада.

Завершая рецензию, Сенковский называет Языкова «запевалой целого хора». Музыкальная аналогия, если отвлечься от ее иронично-метафорического содержания, в жанрово-историческом плане оказывается здесь вполне уместной. Предназначенная для хорового исполнения застольная песня, пожалуй, самый приметный жанр вакхической поэзии. Корифеем, «запевалой» этого жанра действительно можно считать именно Языкова. По утверждению И.М. Семенко, его студенческие песни – это «новый для русской литературы жанр», который поэт «из бытовой сферы поднял в литературу» [2, с. 196]. Заметим, что художественно-бытовая миграция жанра представлялась возможной и самому Языкову. В феврале 1827 г., посылая брату Александру стихотворение «Всеми человечеству...», поэт писал: «Вот тебе моего труда студентская песня – произведение пьяное <...> но и она ведь должна войти в общее собрание стихов моих» [3]. Впрочем, и в книжном бытовании этот жанр сохраняет свою исходную риторическую прагматику, своеобразную театральность, проявляющуюся в особой празднично-коммуникативной установке, игровой экспрессии, композиционно-риторических приемах и выразительных средствах, создающих вербальный эквивалент музыкально-застольного действия. Преимущественно эти аспекты жанровой поэтики студенческих вакхических песен являются объектом нашего внимания в предлагаемой статье. Для исследования привлекаются как вершинные достижения жанра (произведения Языкова дерптского периода творчества, лицейские стихотворения Пушкина, Дельвига, Кюхельбекера), так и массовая, эстетически маргинальная песенная продукция (большой частью тексты неизвестных авторов, бытовавшие в студенческой среде в 1820-1860-е гг.).

Отметим в первую очередь, что студенческие вакхические песни связаны с весьма специфической формой досугового общения – приватным праздником и бытовой пирушкой. Отсюда общность их исходной художественно-коммуникативной установки – воодушевить слушателя, воздействовать на него таким образом, чтобы тот ощутил себя соучастником празднично-застольного действия. Вот характерный песенный зачин:

Полней стаканы, пейте в лад!
 Перед вином – благоговенье:
 Ему торжественный виват!
 Ему – коленопреклоненье!¹
 (Н.М. Языков. «Полней стаканы,
 пейте в лад!..»)

Подобные зачины вполне соответствовали праздничной ситуации, ожиданиям и настрою слушателей. При этом слушатели уже в самом начале входят в художественное пространство песни и во многом определяют ее композиционно-риторическую структуру. Обращения к присутствующим нередко включают в себя не только призывы к винным возлияниям, но и к участию в хоровом пении, то есть слушатели призываются в исполнители. Открыто проявленное в тексте отношение к слушателю как соучастнику праздника прямо сопряжено с атмосферой общего веселья, общего воодушевления. Напомним в этой связи одно пронизательное замечание М.М. Бахтина: «Петь голос может только в теплой атмосфере, в атмосфере возможной хоровой поддержки, принципиального звукового неодиоличества» [4, с. 148]. Лирическое «мы» вакхических песен имеет отнюдь не условную природу, а вполне может быть соотносено с дружеским обществом, собравшимся за праздничным столом. Заметим также, что в вакхической песне дружеская пирушка нередко оказывается запечатленной как действие, совершающееся одновременно с пением. Таким образом сама ситуация исполнения песни входит в текст как важная часть его художественно-смыслового целого: «Великолепными рядами / Сидим за длинными столами, / И всякий, глядя на бокал, / Поет, как Гете приказал. // Слова: отрада и свобода – / В устах у пьяного народа / При звуке чоканья гремят, / И всяк друг другу – друг

и брат!» (81) (Н.М. Языков. «Мы пьем – так рыцари пивали...»).

Изображенное действие предстает как сиюминутное отражение фактического поведения собравшихся. Этому способствует также и использование выражений формульного характера, широко употребительных в дружеском застолье. С помощью таких словесных оборотов в стихотворный текст часто транспортируются ритуальные застольные движения, застольная жестикουλция. Вот несколько типичных примеров из песен Языкова: «Полней стаканы, пейте в лад!» (78), «Друзья! бокалы к небесам!» (82), «Налей и мне, товарищ мой!» (83), «Стучите стаканами / И пойте, друзья!» (204), «Вся беседа, гордо встань: / Бурсе нашей знаменитой / Слава! Лейте пунш сердитый / В богатырскую гортань!» (234).

Подобные обращения создавали также ощущение импровизированной свободы песни, ее застольной непринужденности. Их можно рассматривать и как приметку фамильярной речи, возможной в кругу людей, тесно связанных дружеским общением. Такое общение предполагает эмоциональную открытость и упраздняет все сословно-иерархические условности: «Как милы праздники студентов! / На них приема нет чинам, / Ни принужденных комплиментов, / Ни важных критиков, ни дам; / Там Вакх торжественно смеется, / Язык – не гость и либерал, / Сидишь, стоишь – покуда пьется / И пьешь – покуда не упал» (376).

Эти жизнерадостные строки из языковской поэмы «21 апреля» вполне конкретно поясняют коммуникативно-игровую природу студенческих празднеств. Очевидно, что участвующие в них не ставили перед собой каких-либо серьезных целей, а полностью предавались праздничным вольностям. При этом они должны были вести себя в соответствии с общей, как бы заданной самой ситуацией ролью – беспечных бражников, кутил, буянов. Основываясь на свидетельствах многих мемуаристов, можно заметить, что студенческие праздники нередко обнаруживают связь с эстетикой буффонады, с озорной или даже скабрёзной импровизацией. А.Н. Татаринов, дерптский приятель Языкова, вспоминает любопытный эпизод встречи Нового года (1828): «За несколько минут до 12-ти часов, когда старый год, в изношенном халате, с длинною седою бороною, начал уже деклами-

¹ Языков Н.М. Стихотворения и поэмы. Л., 1988 (Б-ка поэта, БС). С. 78. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием в скобках страницы.

ровать стихи свои, Языков, разгоряченный вином, срывает с меня (Татаринов должен был выступить в роли нового года. – А.П.) сделанную из золотой бумаги корону, надевает ее на себя, сбрасывает панталоны и рубашку, утверждая, что новый год не знает моды, и, совершенно голый, шатаясь, врывается в другую комнату к изумленным товарищам. Гомерический хохот и рукоплескания его приветствуют, и он тоном пьяного мужика начинает:

Свободно, весело пируя,
Встречаете вы новый год!
Я новый год, и здесь хочу я
Встречать свой собственный приход!»
[3, с. 398]

Нужно заметить, что хмельная бравада, буйство были не столько условным, сколько действительным и довольно устойчивым социально-психологическим амплуа тогдашнего студента. Еще в начале 1930-х годов М.К. Азадовский, опровергая биографическую легенду о Языкове как недоучившемся разгульном студенте, все же замечал: «Пьянство, эротика <...> общая черта дворянской культуры этой эпохи: она характеризует в равной мере и столько же Языкова, как, например, и Пушкина, и Дельвига, и декабристов <...> И если здесь есть кое-что, как будто выходящее за пределы привычного явления, то это нужно отнести к дерптской специфике, к характерным чертам студенчески-бурсацкого быта» [5].

Знакомство с мемуарной литературой, документальными материалами о жизни студенчества² позволяют заключить, что поведенческая свобода, вольность стали в первую треть XIX в. едва ли не главными из утвердившихся в студенческой среде досуговых ценностей. Однако самоутверждение и демонстрация личной свободы проявлялись нередко в формах девиантного, эпатажного поведения.

В письмах Языкова к родным находим многочисленные свидетельства того, что стихия разгула была для Дерптского университета 1820-х годов явлением довольно обыденным. Приведем несколько извлечений из писем: «Здесь студенты живут очень весело, занимаются более танца-

ми и фантами <...> при этом между ними царствует какое-то глупо-военное честолюбие, которое дает право на пьянство и буйство» (ноябрь 1822 г.). «Дня три тому назад был т.н. фукскомерс у студентов <...> Дело было за городом на даче, собрались вечером часов в 8, пили и пели до 2 часов утра» (август 1823 г.) [3, с. 17, 82]. Примечательно, сколь созвучно эпистолярное молодечество Языкова тону и содержанию песни «Лихой бурсак» неизвестного автора: «Лихой бурсак не дует в ус, / Готов всегда кутить. / Жги, руби! / Шестерки все, один он туз, / И любит всех он бить. / Жги, руби! // Когда с друзьями подопьет, / Ему все нипочем, / Идет домой и стекла бьет / Тяжелым кирпичом. / Ай, жги, руби, вырубай! / Тяжелым кирпичом. // Готов бутылкою пустить / Он в самый ректорат. / Жги, руби! / Тогда не надо с ним шутить. / Он с чертом панибрат. / Жги, руби!» [6, с. 33].

Во многих студенческих песнях закреплены одни и те же поведенческие стереотипы, способы выражения эмоций, интонационно-речевые клише. Песни таким образом как бы маркировали социороловое поведение студенчества, выполняли функцию его социальной и эмоционально-психологической идентификации: «Русский я студент лихой, / Вырос на квартире; / Сплю на лекции пустой, / Бодрствую в трактире. / Часто в карцере сижу, / Ссорюсь с педелями; / И диеты не держу / В обществе с друзьями» [7]. «Эх, студенческая доля! / В головах вопросы, / В зубах папиросы! / То-то воля! / Заложив руки в карманы, / Сюртук нараспашку, / Набекрень фуражку – / Идем пьяны!» [8]. «Жизнь бурша – пир разгульный. / Веселый Вакх – бог наш. / Коммершмы любим буйный / И дружный говор чаш. / Без громких песен, без вина / Была бы жизнь наша скучна. / Осушим, други, чаши / За все потехи наши!» [6, с. 28].

В вакхических песнях эпатажно-игровая экспрессия обнаруживает себя еще и в традиции травестирования, кощунственной профанации сакральных образов и текстов. В.М. Живов в известной работе о «кощунственной поэзии» конца XVIII – начала XIX в. называет в числе характерных ее образцов песню А. Дельвига «Друзья, поверьте, не грешно...», в каждой строфе которой право выпить доказывает-

² Чешихин Е. Студенческие бесчинства в Дерпте // Рус. архив. 1887. №10. С. 265-281; Чумиков А.А. Летопись забав и шалостей дерптских студентов в 1803-1862 гг. // Рус. старина. 1890. №2. С. 341-370; О студенческой жизни в Дерпте. СПб., 1891; Лаврецкий М. Город студентов. Бытовые картины старого Дерпта. Ревель, 1891; Столяров М.Н. Н.М. Языков в Дерпте // Сб. Уч.-лит. общества при Императорском Юрьевском университете. Юрьев, 1899. Т. 2. С. 121-149; Петухов Е.В. Императорский Юрьевский, бывший Дерптский, университет за сто лет его существования (1802-1902). Юрьев, 1902.

ся с помощью трагических ссылок на Библию [9]. Можно указать и на другие тексты, связанные с этой традицией. Так, в песне Языкова «Налей и мне, товарищ мой...» объектом кощунственного замещения становится христианская троица: «Свобода, песни и вино – / Вот что на радость нам дано, / Вот наша троица святая!..» (83). В другом языковом стихотворении («Романс») кощунственное сопоставление принимает еще более святотатственный характер: «Попы твердят: «Любовь – мечта!» / Не то питомцы Эпикура: / Им богородица Амура / Любезней матери Христа...» (129).

В одном из вариантов популярной в студенческой среде песни А.П. Серебрянского «Быстры, как волны, дни нашей жизни...» скорбно-элегический авторский текст дополнен энергичным мажорным рефреном, в котором смежные стиховые ряды – особенно рифмующиеся слова – оказываются в демонстративной кощунственной соотнесенности:

Помолимся, помолимся, помолимся Творцу,
Приложимся мы к рюмочке, потом и к огурцу...
[10]

Излюбленными героями студенческих вакхических песен были царь Соломон и Ной. Эти библейские персонажи чаще, чем какие-либо другие, подвергались комическому снижению. Приведем фрагмент песни, которая в студенческих компаниях известна уже более полутора веков: «И Ной вот, для примеру, / Любил хватить не в меру, / Жить по его примеру / Поучительно! / Есть в притчах Соломона, / Как поживал в дни оны / Роскошный царь Сиона / Разорительно! / Он сказки, прибаутки / Рассказывал для шутки, / И пил ведра три в сутки / Приблизительно!..»³

В откровенно буффонном виде запечатлены в песнях философы и герои античности: «Аристотель славный, / Древний философ, / Продал панталоны / За сивухи штоф. // Цезарь, друг отваги, / И Помпей, герой, / Продавали шпаги / Тою же ценой...» [8, с. 36].

В качестве трагизируемого материала в вакхических песнях используются не только эпизоды и образы священной и античной истории, но часто и художественные тексты, как правило, обладающие особой официальной или культур-

ной значимостью и хорошо знакомые слушателю или читателю. Художественно наиболее ярким примером такой трагизации является стихотворение Языкова «Гимн». Это своеобразная «застольно-песенная» перелицовка «Молитвы русского народа» В. Жуковского, которая с 1816 г. использовалась в России в качестве национального гимна. Нам уже приходилось писать подробно об этом языковом стихотворении [11]. Здесь поясним лишь сущность его комического эффекта. Он обусловлен в первую очередь тем, что узнаваемая стихотворно-риторическая конструкция, прочно закрепленная за официальным церемониалом и вызывающая соответствующие коммуникативные ожидания слушателей, оказывается смещенной в демонстративно сниженный бытовой ряд. Если «Молитва» предназначена для торжественного официального песнопения, то «Гимн» – для застольного, кружкового. Можно предположить, что объектом трагизации является здесь не только текст Жуковского, но и сам официальный церемониал: ведь застольное вакхическое пение – это в известном смысле художественно-бытовой антипод официального пения. В трагизированном сопряжении двух текстов обыгрывается также их образно-тематический, стилистический, интонационный контраст. Языков комически манипулирует поэтической фразеологией текста-прототипа, эпатазирующе деформируя широко известные, имеющие едва ли не сакральный статус молитвенно-панегирические обращения и восклицания:

Мирных воителей, Правды блюстителей, Боже храни! Жизнь их примерную, Нелицемерную, Доблестям верную Ты помяни! [12]	Пьянства любителей, Мира презрителей, Боже храни! Души свободные, С Вакховой сходные, Вина безводные Ты помяни! [86]
---	--

Во многом сходный пример являет собой обнаруженная нами комическая перелицовка неизвестным автором стихотворения И. Дмитриева «Всех цветочков боле...». В «Карманном песеннике, или Собрании лучших светских и простонародных песен» И. Дмитриев поместил упомянутое стихотворение в цикле «Песни нежные». В трагизированном перепеве благолепно-чувствительный дмитриевский текст подвергается фривольному переименованию. Комический эффект

³ Цит. по: Надеждин К.Ф. Семинарист в своих стихотворениях (Сборник семинарских песен) // Труды Владимирской ученой архивной комиссии. Кн. 10. Владимир, 1908. С. 60. Вариант этой песни см.: Песни казанских студентов [8, с. 56].

усиливается еще и тем, что вульгарно-грубоватая «подтекстовка» должна была, по-видимому, сочетаться с благозвучно-нежным музыкальным рядом. Ср. тексты И. Дмитриева «Всех цветочков боле / Розу я любил; / Ею только в поле / Взор мой веселил. // С каждым днем милее / Мне она была; / С каждым днем алее / Все как вновь цвела. // Но на счастье прочно / Всяк надежду кинь: / К розе, как нарочно, / Привилась полынь. // Роза не увяла – / Тот же самый цвет; / Но не та уж стала: / Аромата нет! // Хлоя! как ужасен / Этот нам урок! / Сколь, увы! опасен / Для красы порок!» [13] и неизвестного автора «Всех напитков боле / Водку я любил, / Ею только в горе / Дух мой веселил. // С каждым днем вкуснее / Мне она была; / С каждым днем алее / На носу цвела. // В нашу жизнь коротку / Долго ль до беды?! / Кто-то выпил водку / И налил воды. // Та ж в полштофе мера, / Та ж печать на нем; / Но не та уж вера / В рюмочный прием. // Хлоя! сколь ужасен / Этот нам пример! Сколь, увы, опасен / В жизни лицемер!» [7, с. 34-35].

С игровой природой вакхических песен связаны многие активно используемые в них композиционно-риторические приемы. Выделим такой экспрессивный прием, как комическая аргументация застольных возлияний: «Что шаг – то грех: как не почтить / Совета веры неподложной? / Напьемся так, чтобы ходить / Нам было вовсе невозможно...» (79) (Н. Языков «Страшна дорога через свет...»). «Пьет бедняк и пьет богатый, / Пьет купчина тороватый; / Сотни, тысячи – все тянут, / Сей им оный не отстанут... / В общий тон и нам петь нужно, / Так нальем и выпьем дружно!..» [7, с. 44]⁴.

Этот прием нередко сочетался с обращением к культовым вакхическим персонажам (Вакх, Геба, Ной, Соломон, Анакреонт), шутливым обыгрыванием связанных с ними событий или комической цитацией их слов: «Друзья, поверьте, не грешно / Любить с вином бокал: / Вино на радость нам дано – / Царь Соломон сказал» (А. Дельвиг. «Друзья, поверьте, не грешно...») [14]. «Скажу короче: в жизни сей / Без Вакха людям все досада: / Анакреон твердит нам: пей! / А мы прибавим: до упада...» (79) (Н. Языков. «Полней стаканы, пейте в лад!..»).

Большое количество веселых сентенций, максимум, афористичных императивных формул – еще

одна важная композиционно-риторическая особенность студенческих вакхических песен: «Так любви, пой и пей! Вот наука / Блаженство найти на земле. / На пире веселом, друзья, нам от скуки / Лекарство – бокал на столе. [6, с. 51] // Кто заботы и печали / Топит в пенном фиале, / Тот прямой мудрец!» (В. Кюхельбекер. «Вино») [15].

Многие вакхические песни риторизованы не только прямыми, рассчитанными на солидарный отклик, призывами и обращениями к «застольникам». Они вмещают в себя и шутливые выпады в адрес тех, кто может возражать: «Что мне до стишков любовных, / Что до вздохов и до слез? / Я смеюсь над дураками / И с веселыми друзьями / Пью в тени берез!» (В. Кюхельбекер. «Вино») [15, с. 269]. «Громкий смех над докторами! / При плесканьи полных чаш / Верьте мне, Игея с нами, / Сам Лиэй целитель наш!» (А. Дельвиг. «Дифирамб») [14, с. 95].

Укажем и на то, что в устном бытовании студенческие песни нередко становились важной частью праздничных обрядов и церемоний. Так, «Отечественная песня» дерптского студента А. Карамзина исполнялась при церемонии вступления в студенческую корпорацию новых членов. Приведем заключительную строфу песни: «Праздник бурсы торжествуем, / Шапки проколов клинком. / Мы вокруг тебя ликуем / И как брата поцелуем: / Будь достойным бурсаком!» [6, с. 9].

Песня студента Тучкова «Царь весельчаков» связана с комическим ритуалом избрания председателя (короля, президента) застолья, а куплеты «Провал фуксам», вероятно, сопровождали так называемые алкогольные дуэли – состязания в питье – одну из весьма распространенных форм студенческого досуга:

Пей же, фукс, пей!

Лучше дело разумеи!

Пей ты все, все до дна!

Напьешься – так твоя вина... [6, с. 41]

Представление о празднично-досуговой стороне жизни студентов, о реальной практике бытования студенческих песен, наряду с разнообразными эпистолярными и мемуарными источниками, дает и художественная проза, в частности рассказ «Два студента» (1837) и повесть «Аптекарь»

⁴ Цитируемый текст представляет собой перепев «Кабацкой песни» – одного из самых известных образцов вагантской поэзии. Приведем для сравнения фрагмент из этой песни (перевод М.Л. Гаспарова): «Пьет и старый, пьет и малый, / Пьет и шальной, пьет и вялый, / Пьет и бабка, пьет и дедка, / И мамаша, и соседка, / Пьет богатый, пьет и нищий, / Хлещут сотни, хлещут тыщи» (Поэзия вагантов. М., 1975. С. 72.)

ша» (1841) В.А. Соллогуба, роман П.Д. Боборыкина «В путь-дорогу» (1862-1864). Напомню, что Соллогуб обучался в Дерптском университете с 1829 по 1834 г., Боборыкин с 1853 г. учился сначала в Казанском, а затем – с 1855 г. в продолжение пяти лет в Дерптском университете.

В «Двух студентах» в лирическом повествовании запечатлены театрально-игровые формы студенческого досуга, прямо связанные с коллективным винопитием и хоровым пением: «Лихой народ студенты! Взгляните на них: шапки набок, галстуки долой; они шумно толпятся вокруг кипящей чаши – то любимый их напиток, то заветный крамбабули, ярким пламенем ликующий посреди своих усердных друзей. Приветствую тебя, академическое разгулье! Трубки дымятся; фуксы (студенты первого семестра. – примеч. В. Соллогуба) приносят стаканы, и пунш льется кипящей влагой. На столе рапиры. Рапиры зашевелились и мерно ударяют по столу. Запели студенты:

Gaudeamus igitur
Juvenes dum sumus...

Пойте, пойте, пока вы молоды, ликуйте, веселитесь! <...> Вот уж начались пуншевые дуэли. Противники бодро схватывают стаканы; секунданты меряют и командуют. Стаканы осушаются, и тот, кто прежде выпил до дна, провозглашен победителем. Везде шум и хохот. Здесь фуксов качают на простынях, там брандеров (студенты второго семестра. – примеч. В. Соллогуба) гонят сквозь пылающую солому. Вот весельчак, с рапирой в руке, вскарабкался на пирамиду стульев и столов и провозгласил себя принцем von Thoren, и вот усердная толпа сбежалась вокруг своего повелителя и поет ему с подобострастием...» [16].

В «Аптекарьше» об укорененности в студенческом быту игрового начала свидетельствует уже сама обстановка студенческой комнаты. Описание ее вполне можно соотнести с реестром театральной бутафории: «Что за жизнь в студенческой комнате! Сколько значения! сколько прекрасного и смешного! сколько разгульного и глубокого вместе! Тут череп и человеческие кости, там пестрые шапки, огромные трубки, рапиры, карикатуры на стене; с другой стороны громады тетрадей и книг; далее, бутылки и стаканы, карты, дубины, плащи, вассерштифели (высокие непромокаемые сапоги. – А.П.) и большой белый пудель» [16, с. 230].

Праздничная эмблематичность в некоторых студенческих рукописях В. Соллогуба находит даже графическое выражение. В тетради его ранних стихотворных и прозаических опытов, хранящейся в РГБ, среди прочих текстов есть и застольная песня, которую он написал в августе 1830 г. к именинам своего дерптского товарища Алексея Витгенштейна. Песня эта, как можно предположить, была частью застольно-поздравительного ритуала. Вот одна из ее строф:

Одни со мной желанья имея,
Вы хором вторьте гласу моему.
Торжественно поздравим Алексея
И осушим мы кубки в честь ему... [17]

Под текстом песни помещена виньетка (вероятно, выполненная самим Соллогубом). Изображенные в ней предметы – рапира, винная бутылка, кружка – дополняют графически образами стихотворный текст и выступают как изобразительные отсылки к празднично-весельному ряду студенческой пирушки.

Особый интерес для исследователя студенческой песни представляет автобиографический роман П. Боборыкина «В путь-дорогу». Мы находим здесь песенные тексты, бытовавшие в 1850-е гг. в Казанском и Дерптском университетах. Приведем фрагмент из 5-й книги романа, который, безусловно, следует принять во внимание при характеристике коммуникативной природы студенческих песен: «Бурши исполняли свой обычный ритуал в чистоте стиля, с строгим соблюдением своего устава: пить и петь. В подтверждение этой аксиомы желтый шаржиртер мрачно завопил:

Кто за бокалом не поет,

И вся братия подхватила:

Тому не полная отрада.
Бог песен богу винограда
Восторги новые дает!

<...> Когда Телепнев познакомился с репертуаром буршикозных песен, странное впечатление произвела на него эта сбродная, формальная, в высшей степени однообразная поэзия. Только две-три языковские песни были действительно не дурны и по стиху и по свежести мотива. Остальное: грубоватые и нескладные переложения с немецкого, набор смешных задорных

фраз и вечный призыв к вину <...> Но Телепнев все-таки сознал, что весь этот шум и голос, все эти наивные возгласы и сурово-детские мотивы имеют свой, хоть и не глубокий, но своеобразный смысл: в грубой форме, но связывает все-таки разношерстную компанию чем-то свежим и искренним...» [18].

Показателен сам способ номинации песен П. Боборыкиным. В романе они представлены фрагментарно, без указания авторства, помимо единичного упоминания о Языкове. Между тем в сохранившихся изданиях студенческих песен некоторые приведенные Боборыкиным стихотворные тексты опубликованы с указанием автора слов. Это, в частности, казанский студент Карлин, дерптские студенты Карамзин и Михалков. Сопоставление стихотворных текстов из песенников с текстами, включенными в роман, позволяет говорить о коллективном песнетворчестве, о признаках песенной фольклоризации (изменяется объем произведения, поэтическая лексика, последовательность строф). Так у Боборыкина в 3-й книге романа встречается следующий фрагмент: «Наш декан Болванов / Тянет сиволдай; / Выпьет хоть пять жбанов, / Только подавай. / А Меньшов короткий, / Он же интеграл, / Сильно занят водкой, / Да уж слишком мал...» [18, т. 2, с. 128-129].

А вот фрагмент этой песни из сборника «Песни казанских студентов 1840-1868 гг.» (с указанием на авторство – «сочинение студента Карлина»): «Попов долговязый, / Он же и монгол, / Подпирает разом / Потолок и пол. / А Попов короткий, / Дифференциал, / Слишком занят водкой, / Оттого и мал <...> / Наш декан Иванов / Тянет сиволдай; / Выпьет хоть из жбанов, / Только подавай...» [8, с. 37-38].

Очевидно, что некоторые различия в данном случае объясняются коммуникативным заданием, необходимостью маркировать текст персоналиями и событиями, хорошо известными слушателям. Однако изменение исходного текста может быть обусловлено и другими причинами.

В 1907 году в «Русском филологическом вестнике» Е.А. Бобров опубликовал заметку о языковской песне «Из страны, страны далекой...». Заметка практически полностью посвящена тем изменениям, которые были внесены в песню за долгие годы ее бытования в студенческой среде. Особенно любопытными кажутся нам вариационные изменения последней строфы песни. Вот ее авторский текст:

Но с надеждою чудесной
Мы стакан, и полновесный
Нашей Руси – будь она
Первым царством в поднебесной,
И счастлива, и славна! (218)

Исследователь приводит такой вариант этой строфы:

Пьем с надеждою чудесной
Из стаканов полновесных:
Первым счастьем будь вино,
И счастливо и хмельно!
Вино, вино, вино, вино!

«В этой переделке нет ни поэзии, ни смысла», – утверждает Е.А. Бобров, досадуя, что «любовь к родине заменили вином» [19]. Между тем, как нам кажется, подобное видоизменение песни в устном ее бытовании было предопределено самой жанровой аксиологией вакхической песни, ее тематическими и стилистическими константами.

Наконец, важно заметить, что жанрово-коммуникативная модель, о которой мы ведем речь, соотносится также и с некоторыми текстами, не получившими музыкально-песенного воплощения. Среди этих текстов – лицейское стихотворение Пушкина «Пирующие студенты». Его композиционно-коммуникативный остов образуют развернутые призывные обращения к участникам дружеского застолья. Подспудная музыкальная основа стихотворения подчеркнута еще и тем, что в качестве пародического материала здесь использована торжественная кантата В. Жуковского «Певец во стане русских воинов». Условная речевая ситуация кантаты – певец-оратор на «поле бранном» обращается с патетической призывно-похвальной речью-тостом к русским воинам – травестирована Пушкиным в изображении веселой студенческой попойки. В «Пирующих студентах» попойка травестийно соотнесена со сражением, а «бранном поле» становится пиршественный стол. Торжественному красноречию певца, воодушевляющего слушателей на ратные подвиги, комически противопоставлена иная риторическая позиция: дружески-насмешливая застольная речь, в которой иронические характеристики сотрапезников перемежаются с призывами к пиршественным возлияниям.

В стихотворении Пушкина особенно ощутимо самоценное игровое удовольствие от эпэ-

тирующих вольностей. Уже в самом начале экцентрично ниспровергается книжная ученая мудрость, демонстрируется преувеличенно пренебрежительное отношение к тому, что требовало почтительного отношения в официально-повседневной жизни лицейстов: «Шипи, шампанское, в стекле. / Друзья, почто же с Кантом / Сенека, Тацит на столе, / Фольянт над фолиантом? / Под стол холодных мудрецов, / Мы полем овладеем; / Под стол ученых дураков! / Без них мы пить умеем» [20].

В сущности, эта эскапада – сигнал к началу застольного действия, началу общего озорства, дурачества, иронической пикировки. В «Пирующих студентах» обнаруживается характерная для вакхической песни жанровая экспрессия, которая сочетается с утонченной игривостью. Так, «ученые мудрецы» у Пушкина должны переместиться под стол – пространство для вакхической песни ценностно маркированное: ведь именно там нередко оказываются самые доблестные «служители Вакха». С традициями вакхической песни вполне согласуется и стремление Пушкина опровергнуть сторонников трезво-серьезного мышления и утвердить свой взгляд на земные ценности. Отметим также, что в первоначальной редакции стихотворение включало в себя и традиционные для студенческой песни застольные «виваты»: «Виват, наш дружеский союз! / Виват, виват, студенты! <...> / Виват, веселья бог молодой, / Семелы сын румяный! / Виват и пестун твой седой! / Виват... и всякий пьяный!» [20, с. 410].

Как мы уже заметили, пушкинское стихотворение не вошло в студенческий репертуар, не стало явлением музыкального быта. Однако его театрально-игровая природа все же нашла свое публичное выражение. «Нельзя не вспомнить сцены, когда Пушкин читал нам своих «Пирующих студентов», – писал впоследствии И.И. Пущин. – Он был в лазарете и пригласил нас прослушать эту пиесу» [21]. Есть некий травестийный комизм в том, что исполненное вакхического воодушевления стихотворение юный автор вдохновенно декламировал в лазарете. И по-видимому, отнюдь не случайно, рассказывая об этом эпизоде, Пущин называет его «сценой». Можно с полным основанием утверждать, что в общем ряду студенческих вакхических песен XIX века стихотворение Пушкина-лицейста стало одним из вершинных достижений жанра, блистательно запечатлевшим игровую экспрессию, праздничное жизнеутверждающее мироощущение дружеского застолья, открывающего для себя земные истины.

В заключение еще раз обратим внимание на статусную амбивалентность студенческой вакхической песни, которая оказывается соотношенной и с полноценным литературным материалом, и с низовой самодеятельной словесной культурой. Этим обусловлена лабильность многих компонентов жанровой поэтики песни. Однако ее специфичная коммуникативно-игровая природа, ставшая объектом нашего внимания, проявляет себя весьма рельефно и характеризуется особой устойчивостью.

Список использованной литературы:

1. [Сенковский О.И.] Новые стихотворения Н. Языкова // Библиотека для чтения. 1845. Т. 72 Ч. 1. Литературная летопись. С. 1-3.
2. Семенко И.М. Поэты пушкинской поры. М., 1970.
3. Языковский архив. Вып. 1. Письма Н.М. Языкова к родным за дерптский период его жизни (1822-1829) СПб., 1913. С. 311.
4. Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 148.
5. Азадовский М.К. Н.М. Языков // Языков Н.М. Полн. собр. стихотворений. М.; Л., 1934. С. 22-23.
6. Студенческие песни для хора, собранные гр. А.Б. М., [б.г.].
7. Песни, бывшие наиболее в ходу между студентами Харьковского университета в 1840 году <...> Собрал и издал студент того времени Вл. Александров. Харьков, 1891. С. 3-4.
8. Песни казанских студентов 1840-1868 гг. Собрал А.П. Аристов. СПб., 1904. С. 32.
9. Живов В.М. Кошунственная поэзия в системе русской культуры конца XVIII – начала XIX века // Из истории русской культуры. Т. IV. М., 1996. С. 701.
10. Песни студентов <...> Собрал и издал А. Шурин. Одесса, [1914]. С. 12.
11. Попов А.Н. Русская литературная кантата. Караганда, 2002. С. 69-71.
12. Жуковский В.А. Полн. собр. соч.: В 12 т. СПб. 1902. Т. 2. С. 78.
13. Дмитриев И.И. Полн. собр. стихотворений. Л., 1967 (Б-ка поэта, БС). С. 132.
14. Дельвиг А.А. Полн. собр. стихотворений. Л., 1959 (Б-ка поэта, БС). С. 130.
15. Кюхельбекер В.К. Избр. произв.: В 2 т. М.; Л., 1967 (Б-ка поэта, БС). Т. 1. С. 569.
16. Соллогуб В.А. Соч.: В 5 т. Пб., 1855. Т. 1. С. 512-513.
17. Отдел рукописей РГБ. Ф. 622. 1. 31. Л. 23.
18. Боборыкин П.Д. Соч.: В 12 т. СПб., 1885. Т. 3. С. 55-59.
19. Бобров Е.А. Об одной студенческой песне Н.М. Языкова // Рус. филол. вестник. Варшава, 1907. №1. С. 183.
20. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Л., 1977. Т. 1. С. 53.
21. Пущин И.И. Записки о Пушкине // А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974. Т. 1. С. 89.